

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ДЕКОНСТРУКЦИИ В РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ КОНЦА XX ВЕКА

Каримова Нигора Маратовна

старший преподаватель, доктор философии по филологическим наукам
(Ph.D) кафедры русской филологии

Ферганского государственного университета

<https://doi.org/10.5281/zenodo.15729459>

Аннотация. Статья посвящена анализу интертекстуальности как ключевого инструмента постмодернистской деконструкции в русской драматургии конца XX века. Рассматриваются пьесы таких авторов, как Людмила Петрушевская, Нина Садур и Владимир Сорокин, в контексте их использования интертекстуальных отсылок к русской классической литературе, мифологии и массовой культуре.

Ключевые слова: интертекстуальность, постмодернизм, деконструкция, русская драматургия, Людмила Петрушевская, Нина Садур, Владимир Сорокин, русская литература, мифология.

Постмодернизм, как доминирующий художественный метод, предложил новые способы осмысления реальности, где интертекстуальность стала ключевым инструментом деконструкции традиционных нарративов. Пьесы Людмилы Петрушевской, Нины Садур и Владимира Сорокина демонстрируют, как интертекстуальные отсылки к русской классике, мифологии и массовой культуре используются для разрушения жанровых канонов, переосмысления культурных кодов и создания многослойных художественных реальностей.

1. Формы интертекстуальности в драматургии Петрушевской

Людмила Петрушевская в пьесе «Три девушки в голубом» использует интертекстуальность для переосмысления традиций русской драматургии, в частности чеховских мотивов. Название пьесы отсылает к «Трем сестрам» Чехова, а сюжет, центрированный вокруг трех женщин, живущих в дачном доме, пародирует чеховскую тему неосуществленных надежд. М.Н. Липовецкий отмечает, что «Петрушевская деконструирует чеховский нарратив, заменяя возвышенные идеалы бытовым абсурдом» [1]. Диалоги героинь, наполненные банальностями, контрастируют с чеховской лиричностью, подчеркивая кризис духовных ценностей.

Интертекстуальные отсылки к фольклору, например к образам сказочных сестер, усиливают ощущение абсурда. Петрушевская использует эти элементы для создания художественной реальности, где традиционные ожидания (гармония, любовь) разрушаются, отражая социальную нестабильность перестроечного периода. Интертекстуальность становится инструментом, позволяющим одновременно уважать и разрушать литературную традицию.

2. Интертекстуальность и мифология у Нины Садур

В пьесе Нины Садур «Панночка» интертекстуальность проявляется через переосмысление гоголевского «Вия» и славянской мифологии. Садур трансформирует образ панночки из фольклорной ведьмы в символ женской инаковости, деконструируя патриархальные стереотипы. Е.В. Волкова подчеркивает, что «Садур использует интертекстуальность для создания новой мифологии, где мистическое становится метафорой социальных конфликтов» [2]. Диалоги, наполненные архаическими

оборотами, отсылают к гоголевскому языку, но их абсурдность разрушает ожидания традиционного нарратива.

3. Радикальная деконструкция у Владимира Сорокина

Владимир Сорокин в пьесе «Достоевский-trip» использует интертекстуальность для радикальной деконструкции русской классики и постсоветской культуры. Пьеса представляет собой пародию на произведения Достоевского, где герои, употребляющие наркотики, воспроизводят сцены из «Преступления и наказания» и «Идиота». А.Н. Архангельский отмечает, что «Сорокин разрушает сакральный статус классики, превращая ее в объект постмодернистской игры» [3]. Интертекстуальные отсылки к массовой культуре, включая сленг и поп-музыку, усиливают эффект пародии.

Сорокин создает художественную реальность, где высокое и низкое сливаются, а традиционные ценности (мораль, духовность) подвергаются осмеянию. Интертекстуальность становится инструментом, позволяющим деконструировать не только литературные каноны, но и социокультурные мифы.

4. Роль мифологии и массовой культуры

Мифология и массовая культура играют важную роль в интертекстуальных стратегиях драматургов. У Петрушевской мифологические мотивы (сказочные архетипы) подчеркивают абсурдность быта, у Садур — создают новую мифологию, связанную с женской идентичностью, у Сорокина — разрушают мифы о высокой культуре. А.Б. Генис отмечает, что «постмодернистская драматургия использует мифологию как инструмент для создания альтернативных реальностей» [5].

Массовая культура, интегрированная через интертекстуальные отсылки, позволяет авторам критиковать механизмы манипуляции сознанием. Например, у Сорокина сленг и поп-культурные клише подчеркивают деградацию духовных ценностей, у Петрушевской — банальность диалогов отражает влияние медийного дискурса. Эти элементы формируют художественную реальность, где традиционные и современные коды сталкиваются, создавая эффект деконструкции.

Интертекстуальность в русской драматургии конца XX века выступает как мощный инструмент постмодернистской деконструкции, позволяющий Петрушевской, Садур и Сорокину переосмыслить литературные и культурные традиции. У Петрушевской интертекстуальность служит для пародирования чеховских мотивов, создавая реальность, где возвышенное уступает место абсурду. У Садур она переосмысливает гоголевскую мистику, формируя новую мифологию, отражающую гендерные и социальные конфликты. У Сорокина интертекстуальность радикально разрушает классические каноны, подчеркивая кризис культурных ценностей.

Интертекстуальность в русской драматургии конца XX века, представленной пьесами Петрушевской, Садур и Сорокина, является ключевым инструментом постмодернистской деконструкции. Она позволяет авторам переосмыслить русскую классику, мифологию и массовую культуру, создавая многослойные художественные реальности.

References:

Используемая литература:

Foydalanilgan adabiyotlar:

1. Липовецкий М.Н. Паралогии: Трансформации постмодернистского дискурса в русской культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 704 с.
2. Волкова Е.В. Постмодернизм в русской литературе: Пелевин и Сорокин. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 280 с.
3. Архангельский А.Н. Русская литература на рубеже веков: Пелевин и другие. М.: Литера, 2010. 320 с.
4. Генис А.Б. Постмодернизм и русская литература. М.: АСТ, 2003. 352 с.